

Мурзилка

№ 7—8
ИЮЛЬ — АВГУСТ
1940
ГОД ИЗДАНИЯ
СЕМНАДЦАТЫЙ

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

Рисунок К. Ел

— Внимание! Читайте, слушайте! Говорит Мурзилка... Давненько мы с вами не виделись. Впрочем, должен признаться, что вас, ребята, я-то все время видел. Я ведь был и в других номерах моего журнала, лазил по страницам, карабкался по строчкам, расставлял буквы по местам... Только вы меня не замечали, потому что... (Т-с-с-с!.. Никому не говорите, это будет тайна читателей Мурзилки!)

потому что я давно сделался... невидимкой!

И сегодня вы тоже не разглядели бы меня, но я оделся по случаю веселого праздника. Ведь этот номер

журнала выпускается к смотру детского творчества. Я собрал тут наших лучших поэтов, писателей, художников, артистов. Я пригласил участвовать в этом номере умелых ребят, маленьких мастеров, веселых и задумчивых поэтов, быстроглазых рисовальщиков, терпеливых математиков, тихих и громких музыкантов, приметливых птицеводов, хитрых механиков. А программу праздничного номера буду вести я сам. Смотрите, я вот тут, между беретом и сандалиями. Что, меня всем видно?

Внимание! Мы начинаем! Читайте стихи юных поэтов Севы Бойцова и Вити Орлова!

На обложке: „КОТ В САПОГАХ" — рисунок *К. Елисеева*

МУРЗИЛКА-НЕВИДИМКА. *Рисунки Л. Смехова*

На Московском областном смотре детского творчества Сева Бойцов получил вторую премию.

СИНЯЯ ПТИЦА

Ночь. Туман и звезд мерцанье...
Мир чудесный предо мной.
Вот Страна Воспоминаний,
Царство Ночи, феи злой.

Ищут дети и не могут
Птицу Синюю найти.
Так искали люди счастья,
Не встречая на пути.

Скоро утро... В легкой дымке
Светит месяц золотой,
И без Синей Птицы дети
Возвращаются домой.

Сон прошел... Но что же это?
В клетке старой и простой
Птица Синяя сверкает,
Словно камень дорогой.

Мы, советские ребята,
Птицу Синюю нашли
Не в лесу и не в тумане,
Не в лазоревой дали.

Эту птицу дал нам Сталин!
Краше птицы в мире нет!
Эта птица — наше счастье,
Нашей юности расцвет.

Сева Бойцов, 10 лет. Москва.

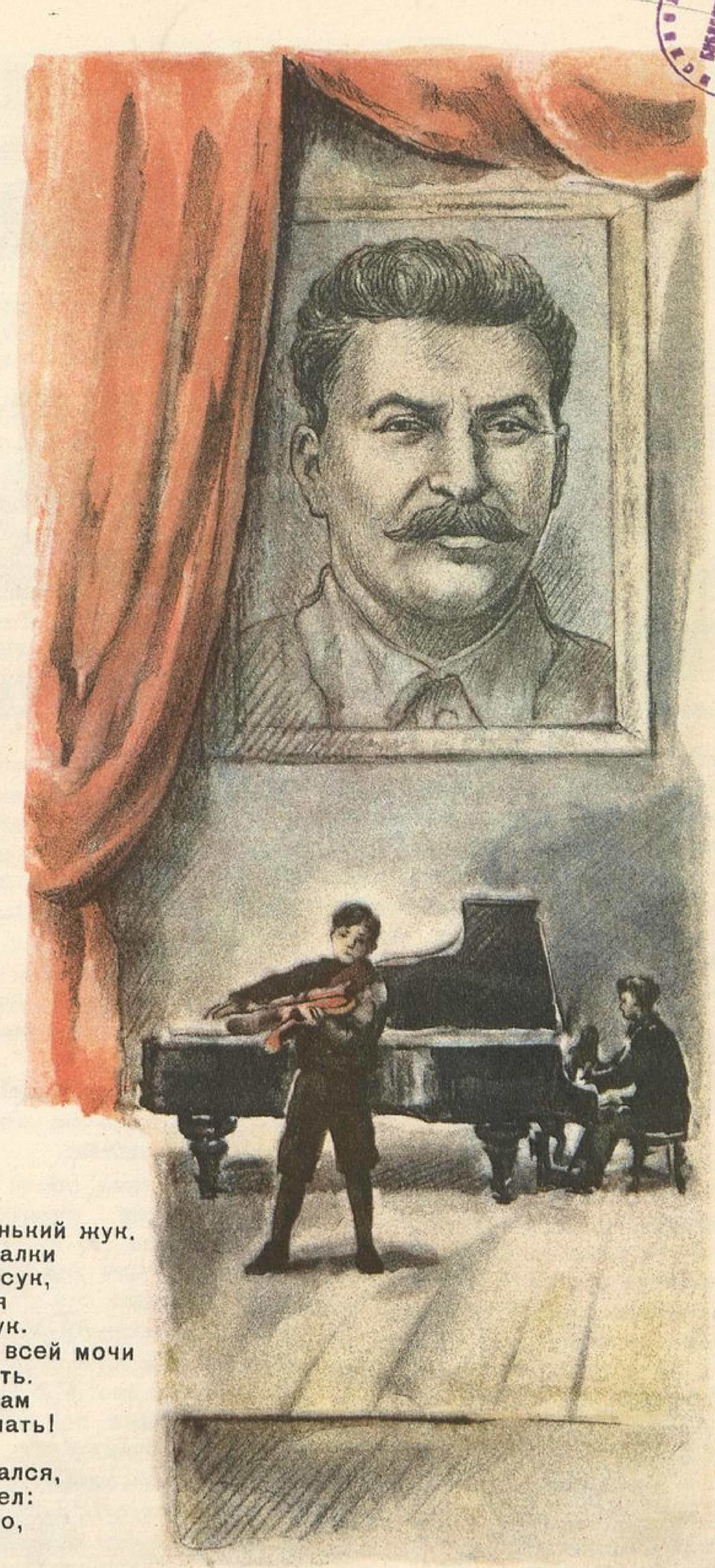

Рисунок Б. Винокурова

* * *

Жучок золотистый
На ветке сидел,
Он усики чистил,
На галок глядел.
Вот как бы те галки
Не съели его!
К сучку он пригнулся,
Не видно его.
Стал жук потихоньку
На землю сползать.
Куда его галкам
Большим увидать!

Вдруг галке какой-то
Понравился сук
На дереве том,
Где был маленький жук.
За нею все галки
Летят на тот сук,
Где притаился
Маленький жук.
Стал жук со всей мочи
От них удирать.
Куда его галкам
Тяжелым догнать!

Потом отдышался,
На веточку сел:
— Как хорошо,
Что я жив,
Что я цел!

Витя Орлов, 10 лет. Москва.

Рисунок Тани Бржевской, 8 лет. Москва.

РУБАШКА

Сшита Дусей Юдковской, 8 лет. Хабаровский край.

САПОЖКИ

Сшиты Зоей Самар, 9 лет. Хабаровский край.

РАЗГОВОР БЕЛКИ С СЕРОЙ НЕРПОЙ

Сказка

В глухом ложбище, у холодного камня, лежала серая нерпа. По зеленым деревьям на берегу реки прыгала белка. Увидела белка зоркими своими глазами — у холодного камня лежит без движения серая нерпа. Подбежала белка к нерпе и сказала:

— Почему ты, нерпа, лежишь у холодного камня?

Нерпа ей ответила:

— Устала я.

— Отчего же ты устала?

— Оттого, что я ночь не спала.

— А почему же ты не спала ночь? — спросила белка.

— А тебе какое дело? — заворчала нерпа.

— Ишь ты, какая злая! — сказала белка. — Я пришла тебя навестить, пожалеть, а ты отвечать не хочешь.

Помолчала нерпа, а потом сказала:

— Что толку в твоей жалости, если ты все равно моей беде не поможешь!

— Может быть, помогу, — запищала белка.

— Ну, если так, то помогай, — и, перевернувшись на спину, нерпа показала белке свой распоротый живот.

Белка вскрикнула и убежала в кусты, а когда ее страх прошел, вернулась обратно к холодному камню.

Нерпа лежала все так же на спине, но уже ничего не сказала белке, потому что была мертвая.

Чайка, которая слышала весь разговор, села на холодный камень и сказала:

— Ты, белка, своим глупым любопытством отняла нерпичью жизнь. У нее зажила бы рана, если бы ее никто не потревожил.

Стыдно стало белке. Не промолвила она ни одного слова и убежала в лес. А в лесу белка рассказала подругам про нерпу и добавила:

— Сама она виновата! Зачем слушать другого, если не надеешься на его помощь?

Записал со слов ольских колхозников пионер-орочен Ваня Хабаров. Село Ола, Колыма, Хабаровский край.

Рисунок Дани Михайлова, 8 лет. Астрахань.

Механический птенец

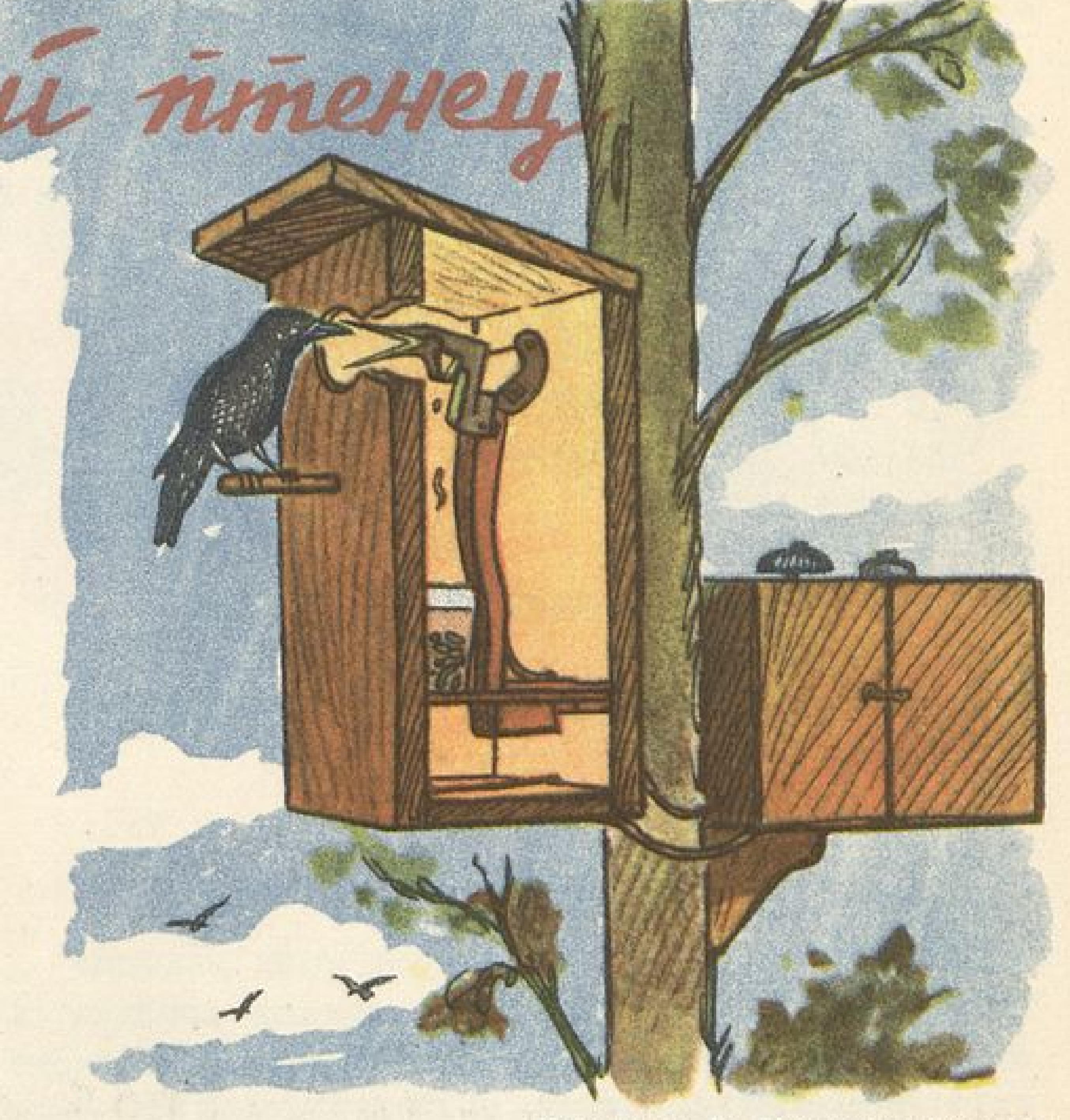

Рисунок В. Константинова

Ребятам из Алма-атинского кружка по охране парков захотелось узнать, хорошие ли у них помощники птицы. А как это узнать? Ведь с птицей не поговоришь, не расспросишь ее, сколько червяков и насекомых она уничтожает за день.

Думали, думали ребята и решили: надо подсчитать, какое количество корма приносят своим птенцам скворцы. Юннаты заметили, что дети у скворцов прожорливы. Весь день родители таскают им корм, и скворцам некогда наблюдать за тем, кому из птенцов досталось больше, кому меньше. Сунут червяка тому в клюв, кто откроет его шире и ближе к летку, и улетают за новой добычей. Бывает, слабый птенец не может добраться до летка и погибает с голоду. Ребята решили обмануть скворцов.

Сначала они сами прятались в листве за скворешню и просовывали в леток надетый на пальцы искусственный клюв. И скворцы бросали червей в этот клюв. Но целый день на дереве не просидишь. Тогда появилась мысль сделать механического птенца. Он получился ни капельки не похожий на живых птенцов. Это был даже не птенец, а только клюв с желтыми уголками рта и красноватым язычком. Клюв на подставке укрепили как раз напротив летка.

Как только скворец прилетает с кормом и садится на жердочку перед летком, включается электромагнит, и механический птенец широко открывает клюв. Скворец бросает в него червяка и снова летит на охоту.

Вместо желудка у этого птенца прикреплен стаканчик с формалином. В него и падают червяки и насекомые.

Еще ребята сделали электрический прибор „орнитограф“, который записывает на бумажной ленте каждый прилет скворца.

Вечером юннаты кладут в гнездо настоящих птенцов, вытаскивают свой прибор и подсчитывают, сколько вредителей уничтожило за день семейство скворцов.

Подсчитайте и вы, ребята, сколько приблизительно корма получает в 10 дней семейство скворцов, если один механический птенец съедает в день сотню личинок, десятка три червей и штук восемьдесят-девяносто насекомых. А в одной скворешне бывает четыре-пять птенцов.

Рисунок Дины Андиной, 11 лет.

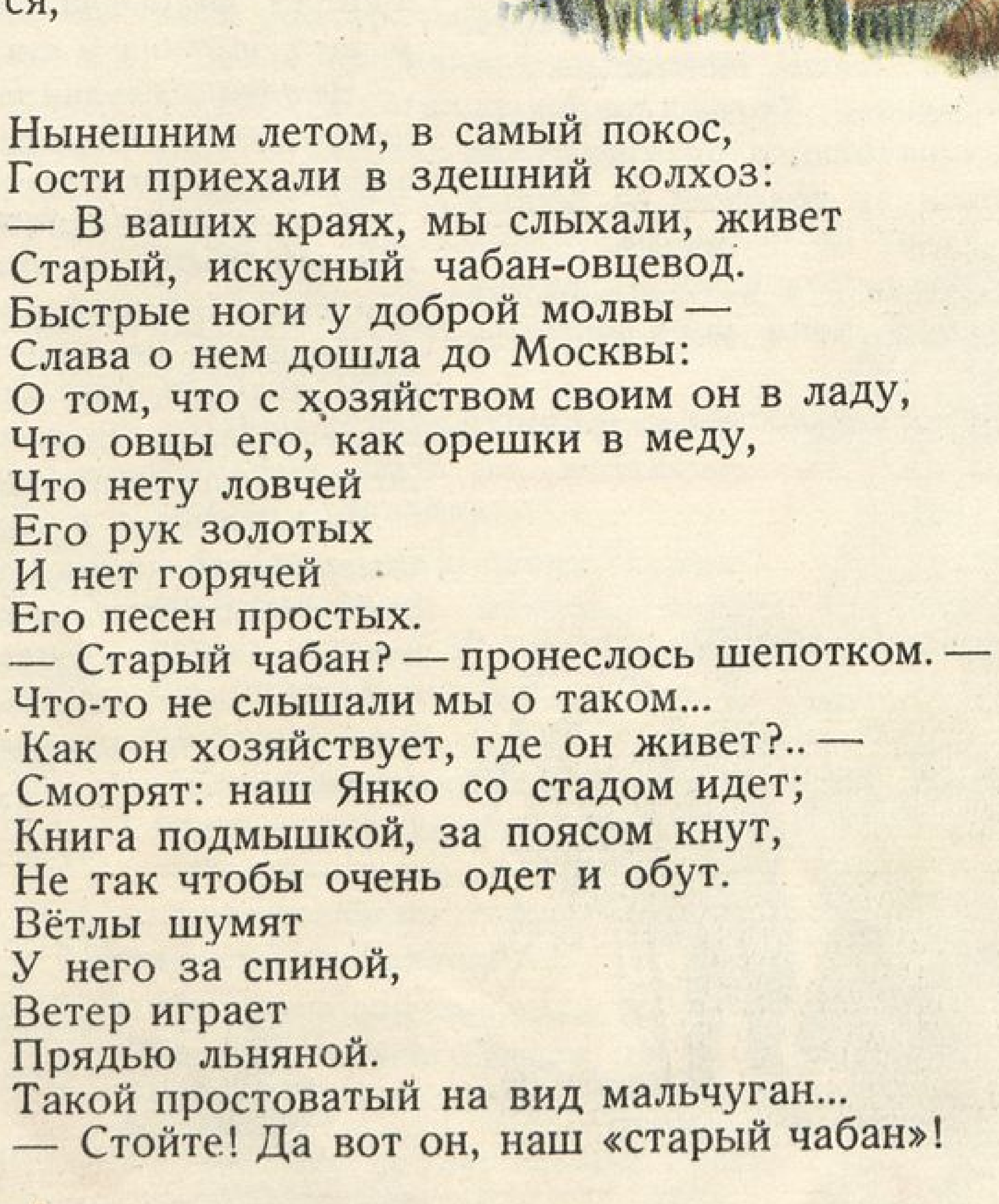

— Это что!.. Я вот сам собрал из „конструктора“ настоящего кота... Караул! Кшш! Брысь!.. Это же не живая птица, она железная!

— Мя-а-ы!.. Ну что ж, и я железный!

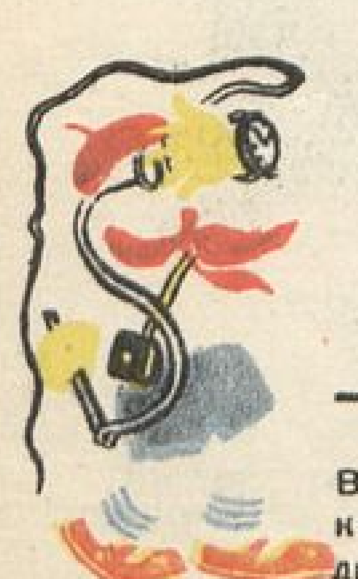
Янко

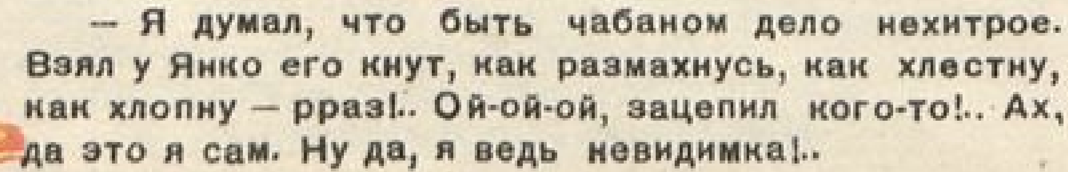
Н. Саконская
Рисунок В. Житенева

Славно под дождиком пахнет чебрец,
Вьется колечками шерсть у овец.
Все-то у Янко они на виду —
Каждая точно орешек в меду:
Хóлена им,
Пóена им;
Янко доволен хозяйством своим.
И нет веселей
Его песен простых,
И нету ловчей
Его рук золотых.
А сам он живет,
Как на вёслах плывет.
Пройдет по траве —
И травы не помнет...
Скажут ему: — Хорошо ты поешь!
И песня как песня, и голос хорош. —
А он улыбнется,
Хлопнет бичом:
— Песня споется,
Как дождик прольется,
А я — непричем.

Нынешним летом, в самый покос,
Гости приехали в здешний колхоз:
— В ваших краях, мы слыхали, живет
Старый, искусный чабан-овцевод.
Быстрые ноги у доброй молвы —
Слава о нем дошла до Москвы:
О том, что с хозяйством своим он в ладу,
Что овцы его, как орешки в меду,
Что нету ловчей
Его рук золотых
И нет горячей
Его песен простых.
— Старый чабан? — пронеслось шепотком. —
Что-то не слышали мы о таком...
Как он хозяйствует, где он живет?.. —
Смотрят: наш Янко со стадом идет;
Книга подмышкой, за поясом кнут,
Не так чтобы очень одет и обут.
Вётлы шумят
У него за спиной,
Ветер играет
Прядью льняной.
Такой простоватый на вид мальчуган...
— Стойте! Да вот он, наш «старый чабан»!

— Я думал, что быть чабаном дело нехитрое. Взял у Янко его кнут, как размахнусь, как хлестну, как хлопну — рраз!.. Ой-ой-ой, зацепил кого-то!.. Ах, да это я сам. Ну да, я ведь невидимка!..

Интересно бы узнать, над кем смеется этот почтенный баран? Вы не знаете?

М. Гершензон

Рисунки Е. Афанасьевой

ЖИЛА-БЫЛА художница... Только вы не думайте, что это сказка. Она в самом деле жила и сейчас живет; может быть, вы даже встречали ее на улице, только не знали, что это она. Худенькая, черненькая, совсем похожа на мышку. Хотя мышки — серенькие. Но глаза у нее, как у мышки—блестящие, быстрые. Она на вас посмотрит внимательно, особенно если вы будете в ситцевой рубашке или в ситцевом платье. Потому что эта художница не картины рисует и даже не картинки для книг. Она рисует узоры, которые печатают на ситце. Может быть, у вас на рубашке или на сарафанчике гоняются друг за дружкой пестрые треугольнички; так знайте: это она их нарисовала.

Так вот, жила-была эта художница. Она целый день придумывала всякие узоры. Придумает, нарисует — сперва на бумаге, конечно, — посмотрит и задумается:

«Может, это еще не самый красивый узор? Нарядятся все в такие сарафаны, рубашки, а он вовсе не самый красивый!»

Один раз она пришла к своему учителю, старому художнику, и сказала:

— Вот сколько я нарисовала узоров! Только они мне не нравятся. Я хочу еще веселей, еще лучше найти узор.

А старый художник сказал ей:

— Ты умница. Так и надо — всегда искать еще лучше, еще красивей. Вот я для тебя приготовил, тут ты найдешь много хороших узоров.

И он дал ей маленький сверток.

— Нет, сейчас не развертывай. Развернешь дома.

Она шла и думала: «Что бы это могло быть?» Что-то шуршало в этом кругленьком легоньком свертке.

Художница пришла домой, развернула. Это была маленькая картонная трубка, с одного конца дырочка. Она заглянула: звездочка, да какая! Красные, синие осколочки выстроились в хитрый узор.

Чуть-чуть тряхнула трубку — новый узор! Синие спрятались, откуда-то выбежали зеленые.

Много чудесных узоров нашла художница в этой волшебной трубке.

Настало лето, все надели легкие платья. Теперь художница ходила по улицам и все смотрела по сторонам, будто перелистывала страницы своего альбома. Звездочки, треугольнички, квадратики, да всё яркие, веселые, — как осколочки радуги. А все-таки художница опять пришла к своему старому учителю.

— Нельзя же одни треугольнички и квадратики! Они все-таки скучные. Вот цветы — какие разные! Даже анютины глазки — и те все разные. Мне хочется еще веселей найти узор, чтобы он был совсем живой!

— Ты умница, — сказал старый художник. — И я дам тебе совет. Возьми чемодан, положи в него вещей на дорогу и побольше бумаги и цветных карандашей. Потом садись в поезд и поезжай... ну, скажем, в Хакассию. Там ты найдешь совсем живые узоры, как букет полевых цветов.

Художница так и сделала. Пять дней она ехала в одном поезде, потом еще сутки — в другом. И наконец приехала в город Абакан.

Долго ходила она по улицам. Каменных домов здесь было мало, почти все деревянные. Под ногой звенели промерзшие деревянные тротуары. Художница ходила и все искала: где же тут эти узоры, похожие на букет полевых цветов? Снежинки перемигивались разноцветными искорками. К вечеру в небе загорелись облачка — лимонные, золотые.

«Нет, не про это говорил мой учитель,— подумала художница. — Это очень красиво, но для ситца краски должны быть теплее, а узоры проще».

И вдруг прямо ей под ноги упал букет полевых цветов. Она сперва увидела цветы, а потом уже разобрала, что это

— Пожалуйте на примерку! Выбирайте себе рубашки, кофточки, юбки, сарафаны! Ну-ка, посмотрю я, какой материал мне больше к лицу.

варежка: ребята играли в снежки, и один из них сбросил варежки, чтобы скатать снежок. Какой чудесный узор был вышит на этой варежке! Зеленая веточка, а на ней — красные и фиолетовые цветы, каких и не бывает вовсе.

— Это кто тебе вышил такую? — спросила художница.

— Бабушка моя, — сказал мальчик.

— А где она живет, твоя бабушка?

— В Казанове.

— Далеко это?

— От Аскыза километров двадцать пять.

Рано утром художница села в машину, которая шла в ту сторону. Она очень замерзла, пока доехала до улуса Казанова, и проголодалась. У нее был с собой хлеб, но он тоже замерз, нож чиркал по нему, как по кирпичу. Ну, все равно, — ведь приехали!

Она попрощалась с шофером; машина поехала дальше.

Художница с чемоданом в руках постояла, посмотрела, пока грузовик не исчез в снегах, и зашла в первую же избу. Ей сразу стало весело, потому что на стенах под потолком она увидела яркие, живые, совсем свеженькие цветы. Они были вырезаны из бумаги и наклеены на беленые стены.

Старая бабушка сидела на корточках около печи и курила длинную-длинную трубку.

— Вы — бабушка того мальчика? Ваш внучек живет в Абакане? — спросила художница.

Но старушка не понимала по-русски. Она усадила свою гостью за стол, поставила перед ней большую миску с жареной бараниной. Потом налила ей чаю. Этот чай был не чай, а какая-то дикая травка; он пахнул широкой, просторной степью. Художница ела и грелась и все смотрела на цветы под потолком. И все спрашивала, кто нарисовал эти цветы. Старушка вдруг поняла, улыбнулась и сказала:

— Балалар.

А рукой показала совсем невысоко над полом.

Художница спросила:

— Где он, ваш Балалар?

Старуха опять улыбнулась и ответила:

— Школа.

И махнула рукой, будто хотела сказать: вон там, вон там! Художница взяла свой чемодан и пошла на улицу и вошла в другую избу. Там тоже под потолком горели цветы, алые-алые, совсем живые. Но это была не школа. Древний старик сидел за столом и чистил охотничье ружье. На нем была ситцевая рубашка, и художница очень обрадовалась: она узнала свои треугольнички: два зеленых, один вишневый, два зеленых, один вишневый.

А все-таки эти цветы под потолком были лучше, веселее, чем треугольнички.

— Кто это рисовал? — спросила художница.

— Хызычах, — ответил старик и тоже улыбнулся и тоже показал рукой совсем невысоко над полом.

— А где Хызычах? — спросила художница.

— Школа, — ответил старик.

И она пошла в ту сторону, куда он махнул рукой; это тоже была вовсе не школа. В сказках все повторяется три раза, а у нас хоть не сказка, пусть тоже так будет. И тут тоже были цветы, и такая же сидела старушка, и такой же у них был разговор.

— Кажется, вот этот... Нет, этот лучше... Надену вот такую.

Может, вот эту примерить? Это тоже неплохо!
Очень трудно подобрать рубашку к лицу, когда лица-то нет...

— Кто рисовал? — спросила художница.

— Оолах, — сказала старушка.

На ней было платье особенного фасона, с крылышками на плечах, старинное хакасское платье, и художница узнала свои звездочки и квадратики: красная звездочка, а вокруг нее — кувырком, кувырком — зеленые квадратики.

— А где Оолах?

— Школа.

Но тут, кроме старушки, были еще маленькие, очень любопытные и очень черноглазые ребятишки, и они проводили художницу до школы. Она вошла и... Сколько тут было цветов на стенах — таких, каких и не бывает! Все из бумаги, так что сквозь краску проступали клеточки, и линейки, и даже каракули. Будто по всем стенкам разбросаны были букеты, охапки полевых цветов. Уроки уже кончились, и сразу художницу обступили ребята, — узкоглазые, вприщурку, черноволосые, волосы ежиком, а у кого — в две косички.

— Ну, кто тут будет Оолах? — спросила художница.

— Я! Я! Я! — закричали все мальчики.

И они объяснили художнице, что «оолах» по-хакасски значит мальчик.

— А кто тут Хызычах?

— Я! Я! Я! — закричали все черноголовые с двумя косичками.

И они объяснили художнице, что «хызычах» — это девочка.

— А Балалар — это кто же?

— Это мы! — сказали все сразу и объяснили, что «балалар» по-хакасски — дети.

— Так это, значит, вы так хорошо рисуете? — сказала художница. — Ну, балалар, нарисуйте мне самые веселые цветы. Вот вам бумага и карандаши.

И ребята сели и стали рисовать, а художница ходила между партами, и сердце у нее билось быстро-быстро. Потому что на глазах у нее вырастали такие яркие, такие звонкие цветы, каких даже и не бывает. У одной девочки сломался карандаш, она взяла другой, и получился совсем смешной цветок: половинка синяя, половинка желтая.

«Вот спасибо моему учителю!» думала художница.

Она прожила в этом улусе, пока не кончилась командировка, потом поехала домой. Чемодан у нее был все такой же легкий, но он стал ей гораздо дороже, потому что там не было ни одного листочка чистой бумаги: на каждом нарисованы были цветы.

Поезд пришел в Москву, и художница принялась за работу. Она заплетала узоры и расплетала и заплетала их снова. А потом пришла к своему старому учителю и разложила перед ним целую охапку, целое поле цветов. И учитель похвалил свою ученицу:

— Ну, умница! Нашла все-таки! Веселее этих узоров уже не может быть.

Тогда художница отнесла свою работу на фабрику. Там напечатали новые ситцы: как посмотришь на такой ситец, непременно улыбнешься. Художница сама упаковала большую-большую посылку. Посылка проехала четыре тысячи километров и еще пятьсот. Она ехала, ехала и все-таки доехала до улуса Казанова, до школы. И все балалар собрались, и каждый оолах и каждая хызычах рассматривали яркие, пестрые ситцы. И как развернется новый кусок, все кричали:

— Этот цветочек я нарисовал!

— А этот я!

— Этот я!

— А тут у меня сломался синий карандаш, я взяла желтый!

И когда все бабушки и мамы сшили из нового ситца своим детям рубашки и платья, и пришла весна, и они выбежали на улицу — куда там радуге! Будто по всей улице расцвели самые веселые, самые яркие цветы — такие яркие, каких и не бывает даже!

РАССКАЗ СКУЛЬПТОРА

А. Горобова

Рисунки Б. Винокурова

Мы с Верой Игнатьевной сидели за столом и разговаривали. Вот что рассказала мне о своей работе Вера Игнатьевна Мухина, знаменитый советский скульптор.

Ей поручили сделать скульптуру для Советского павильона на Парижской выставке. Вера Игнатьевна вместе с архитектором решила: это будут рабочий и колхозница. Всякий, кто посмотрит на них, должен понять, какие у нас смелые и сильные люди, как стремится вперед наша молодая страна и что никакой враг не сможет остановить ее.

Теперь эта известная на весь мир скульптура стоит у входа на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, и ты можешь ее там увидать. Она вся из стали и очень большая, семнадцать метров в высоту. Шутка ли! Вот тут-то и было самое большое затруднение для Веры Игнатьевны. Ведь таких высоких людей в жизни не бывает. Как же это должно выглядеть? Вера Игнатьевна посмотрела в окно и увидала четырехэтажный дом. Вот так, — значит, фигуру рабочего нужно сделать в десять раз больше настоящего, живого рабочего. Какие же должны быть у этой фигуры руки? Ноги? Кажется, чего проще: раз фигура в десять раз больше человека, значит и руки и ноги у нее в десять раз больше. Оказывается, это не так.

Художники, скульпторы знают, что все отвесные линии, чем выше они от нас, тем кажутся короче. Например, влез человек на крышу. Стал там совсем прямо, как телеграфный столб. А мы внизу. Нам покажется, что ноги у него как следует, нормальные, туловище уже короче, чем нужно, а голова совсем крохотная. Не человек, а урод! Это если смотреть близко. А смотришь издали — всё на своем месте.

Вера Игнатьевна мучилась: как же быть? Ведь скульптура будет видна со всех сторон, и близко и далеко. И решила: „Сделаю так, чтобы поменьше было таких отвесных линий".

Посмотри на рисунок. Ты увидишь, как у обоих людей все тело наклонено вперед и только нога рабочего от колена до ступни поставлена отвесно.

Когда мы так сидели и разговаривали, я нечаянно посмотрела на полочку. Там стояли фигурки. Одна маленькая, ростом с карандаш, другая побольше, третья еще побольше, и все похожи друг на друга. Это были „Рабочий и колхозница". Вера Игнатьевна мне объяснила: сначала нужно сделать фигуру в одну сотую будущей величины, потом в одну тридцатую, потом в одну пятнадцатую и только уже потом, на заводе, в полную величину. А иначе может выйти большой конфуз. Закралась какая-нибудь ошибка — на маленькой фигурке и ошибка маленькая, незаметная. А увеличишь фигуру во много раз — ошибка тоже увеличилась, стала не ошибка, а ошибища.

Вера Игнатьевна Мухина, знаменитый советский скульптор, орденоносец.

Потом Вера Игнатьевна рассказала мне, как она пять раз переделывала шарф, который держит колхозница. Сначала шарф был как парашют. Будто его так надул ветер. Посмотришь на шарф — хорошо и правильно, как в жизни. А вместе со всей фигурой — тяжело. Вот и пришлось переделывать.

А когда мы уже прощались, Вера Игнатьевна сказала, что многие думают, будто в искусстве все дается без труда. Взял в руки глину — готова скульптура. Взял карандаш — полились стихи. А на деле так: чем больше вложено труда, тем выходит лучше.

— Привет знаменитым мастерам большого советского искусства! Я тоже буду скульптором, писателем, киноартистом, пианистом, непременно! Только я еще не решил, кем именно.

БРАНДЕЛЯК

К. Чуковский

Мы жили в большом доме на окраине города. В нашем дворе с утра до ночи копошились десятки детей, которые вечно дрались, кувыркались, подставляли друг другу подножки и ревели на все голоса.

Но в дальнем конце двора, у забора, было тихо; там стояли „колымажки" — огромные полукруглые ящики для вывозки мусора. Я любил пробираться туда перед вечером, ложиться на спину в одну из колымажек, класть кулаки под голову и выдумывать всякие самодельные сказки. Иногда я тут же сочинял что-то вроде стихов и тихо напевал их, как песню.

Мне было в то время около двенадцати лет. Я учился в третьем классе гимназии и, кажется, умер бы со стыда, если бы кто-нибудь подсмотрел, как я лежу в колымажке, смотрю в небо и сочиняю стихи. Сочинял я шопотом, чтобы никто не услышал. Некоторые стихи я записывал вечером в небольшую тетрадку, которую прятал от всех. Обложка тетрадки была из черной клеенки, и на этой клеенке я вырезал перочинным ножом:

„Полное собрание моих сочинений".

В тетрадке накопилось уже немало стихов: о каких-то людоедах, жирафах, акулах и неграх, а также об одном моем знакомом, которого я называл герцог Бранделюк де-Бранделяк, потому что он был очень гордый и важный. Кого бы он ни увидел, он сейчас же начинал надуваться и воинственно выпячивал грудь. Жил он тут же, на пустыре, вместе с гусями и утками, — огромный разноцветный индюк. Шея у него была вся в бородавках, которые он носил с такой важностью, словно это были ордена и медали. Если ему говорили:

— Здравствуйте, ваше сиятельство! — он отвечал по-французски:

— Куркулю! Муркулю!

И это звучало как сердитая ругань.

В первые же дни Бранделяк постоянно пугал меня своим воинственным видом и огненно-красной кишкой, которая болталась у него перед носом, но в конце концов я увидел, что этот грозный вояка трусливее любого цыпленка и что он напускает на себя свою важность из трусости. И я сочинил о нем длинную сказку, которая начиналась такими стихами:

Господин де-Бранделюк —
Замечательный индюк.
Как я рад, что я знаком
С этим важным индюком!
Сам не знаю почему,
Я завидую ему.

Дальше шло описание великолепной наружности этого знатного герцога и множество его забавных приключений.

Корней Иванович Чуковский, писатель-орденоносец, автор веселых стихов и занимательных приключений.

А в последних строках говорилось, что важничать, подобно ему, могут только трусы и глупцы:

Если б не был я знаком
С этим важным индюком,
Не узнал бы я никак,
Что спесивый и хвастливый
Господин де-Бранделяк —
Просто-напросто трусливый,
Задающийся дурак.

Конечно, я давно позабыл бы об этих стишках, если бы с ними не вышло одной очень печальной истории...

Я записал их в тетрадку и спрятал ее за подкладкой фуражки. Но непрочная подкладка распоролась, тетрадку увидали в раздевалке гимназисты старшего класса — усатые верзилы с большими ручищами, — выхватили ее у меня и стали громко вычитывать оттуда стихи. Я плакал от стыда и отчаяния, я пытался вырвать тетрадку из их огромных ручищ, но они убежали в умывальную комнату и там, нарочно перевирая слова, продолжали издеваться над моими стихами Больше всех издевался один

гимназист, прыщеватый Марк Поволоцкий, мальчик не злой, но общепризнанный гимназический шут. Остальные только вторили ему. Когда они наткнулись на стихи об индюке Бранделяке, они захохотали так громко, что отовсюду сбежалась толпа малышей. Я был опозорен надолго. Мне дали кличку Бранделяк, и она крепко пристала ко мне. Даже учителя говорили не раз:

— Эх ты, Бранделяк, Бранделяк!

Вся гимназия затвердила эти стихи наизусть, но в каком исковерканном виде! Причем к ним прибавили какие-то очень гадкие строки, так что вышла неприличная чушь, которую даже первоклассники пели как дразнилку при моем появлении.

Хуже всего было то, что наш обидчивый инспектор Прохор Евгеньевич (так называемый Прошка) принял эти стихи на свой счет. Кто-то сказал ему, будто под видом индюка я в своем стихотворении вывел его. Он сразу поверил в это, обиделся ужасно, на всю жизнь. Его щеки стали дергаться от злобы всякий раз, когда он встречался со мной. И он мстил мне до того самого дня, покуда не выгнал меня из гимназии.

Все это надолго отбило у меня охоту к писанию стихов. Ведь и учителя и товарищи как будто нарочно приняли все меры, чтобы я не сделался писателем. Правда, качаясь в своей колымажке, я попрежнему шептал иногда какие-то певучие строки, но уж не записывал их.

Не то чтобы боялся, а так: опротивело.

ДЯДЯ МИША ЖАРОВ

Андрей Шманкевич

Михаил Иванович Жаров, замечательный советский киноактер, заслуженный артист Республики, орденоносец.

Мне нужно было поговорить с заслуженным артистом Республики орденоносцем Михаилом Ивановичем Жаровым. Я позвонил ему по телефону, и он пригласил меня к себе. Я записал адрес и пошел на Тверской бульвар.

Пришел на бульвар, шарю по всем карманам — записки с адресом нет!

— Вы чего, дяденька, потеряли?—спросил, подбегая, черноглазый мальчик, видно вожак целой компании ребят.

— Да вот потерял адрес артиста Жарова.

— Дяди Миши?.. Михаила Ивановича?.. Идемте, мы вас проводим. Он в этом доме живет, на седьмом этаже.

— Вас все ребята здесь знают, — говорю я Михаилу Ивановичу.

— Да, у меня много друзей среди ребят. Вот смотрите, целая пачка писем. От взрослых меньше. Всё от ребят. Прямо невозможно на все ответить... Кажется, специально для детей не играл, кроме милиционера в фильме „По следам героя", а вот пишут... Из Якутска прислали письмо из пионерского отряда. У меня с ними частая переписка.

Михаил Иванович показал папку фотографий ребят.

— Вот. И каждый взамен просит мою фотографию. Все они заявляют, что будут киноартистами. Это не легкое дело! Правда, у них в школах драмкружки, своя сцена, руководители. А я начинал играть за сараем, во дворе. „Публика" сидела на заборах и просто на земле. И, знаете, неплохие были спектакли. Веселые... „Зрители" часто валились от смеха с забора прямо на „сцену", совсем не по ходу действия...

Выйдя от Михаила Ивановича, я снова встретил черноглазого и его товарищей. Он что-то считал, загибая пальцы.

— А Медведя... Забыл? Медведя он играл!

— Ага... Медведя еще... — Черноглазый растерянно посмотрел на свои руки: свободных пальцев больше не было. — Колька, считай теперь ты. У меня уже все пальцы вышли.

— Не хватит и у Коли всех пальцев, — сказал я ребятам.— Михаил Иванович сыграл в кино уже больше двадцати ролей. Да еще в театре сколько! Он и сейчас снимается в картине „Богдан Хмельницкий", играет дьячка Гаврилу. А скоро будет сниматься в картине „Котовский". Будет играть легендарного героя гражданской войны Котовского.

— Вот здорово! Он сыграет кого угодно, будьте уверены! — заявил черноглазый, и никто из ребят не возразил ему — они верили в Жарова.

КОНЦЕРТ

Эмиль Гилельс

В нашей семье все любят музыку. Поэтому я с музыкой познакомился очень рано. Пяти лет я уже начал играть на рояле.

В Одессу, где мы жили, часто приезжали хорошие музыканты. Я не пропускал ни одного концерта и, слушая замечательных пианистов, мечтал так хорошо играть, чтобы и меня все слушали.

И еще я мечтал поехать в Москву. Ну хотя бы только посмотреть ее!

Мне казалось, что жить и учиться в столице — большой почет и добиться этого может не каждый. Я старался заниматься очень прилежно, очень старательно, так, чтобы меня обязательно послали в Москву.

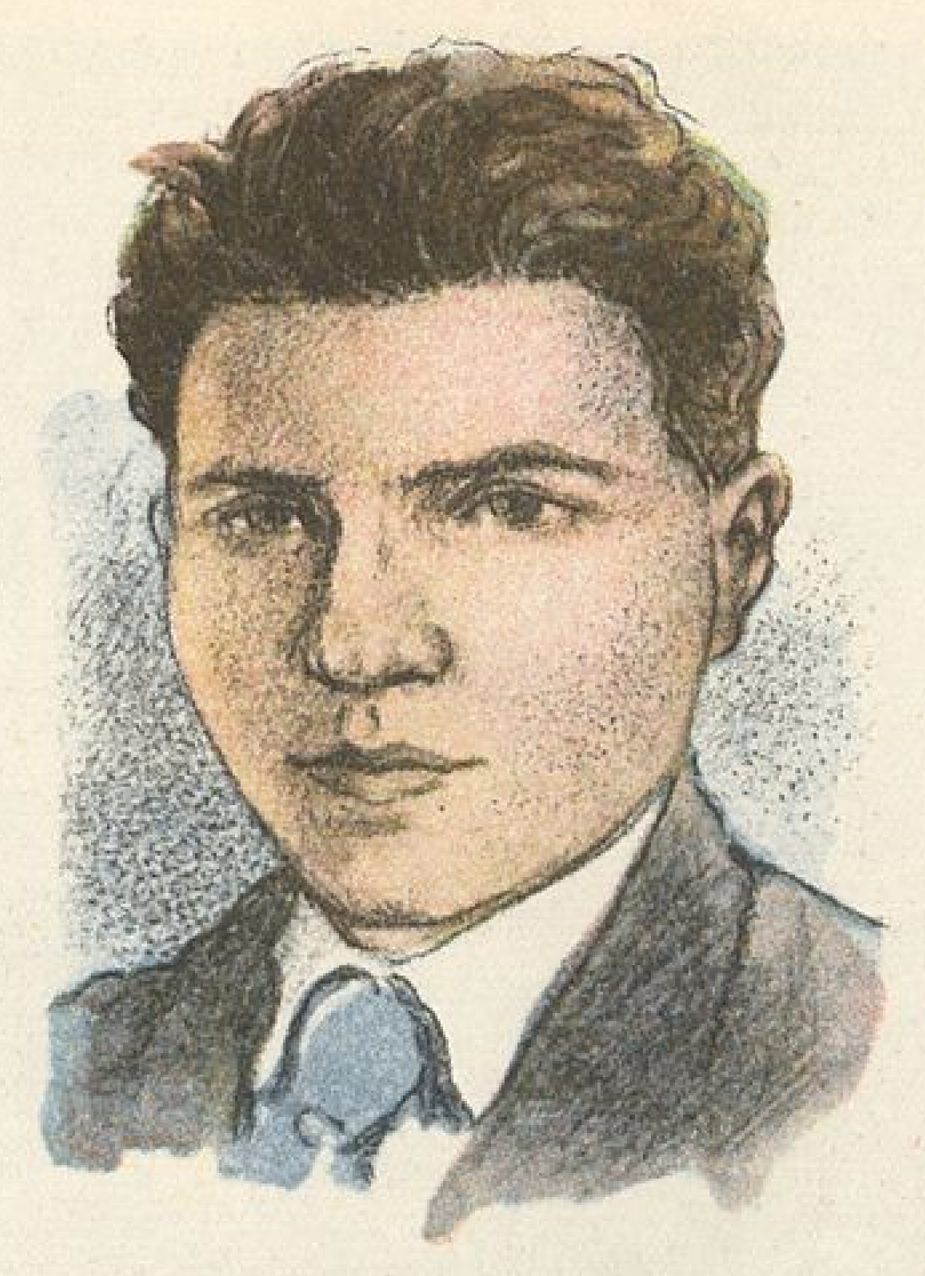
И вот — мне тогда было шестнадцать лет — я участник всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей. Я в Москве, в Большом зале Консерватории! Жюри присудило мне первую премию, и я с другими премированными музыкантами выступал на показательном концерте.

Идет концерт. Скоро и мне выходить. Вдруг кто-то сказал:

— Члены правительства приехали.

Я посмотрел сквозь щелку в зал и увидел в ложе товарищей Молотова и Ворошилова.

Мне надо было играть фантазию Моцарта на мотивы „Свадьбы Фигаро“. Я весь собрался, подтянулся. Хотелось сыграть как можно лучше. На беду, я вздумал прихорашиваться. У меня тогда волосы торчали ёжиком, и это

Эмиль Гилельс победитель мирового и всесоюзного конкурсов пианистов, орденоносец.

меня очень смущало. Я решил их пригладить. Сухая щетка не помогла, воды в спешке я не нашел. Под руки попалась бутылка с остатками ситро. Я взял да и намочил им волосы.

Дело было летом, в июне. В зале жарко. Начинаю играть и со страхом слышу: жужжит над моей головой муха. За ней другая, третья... Кружатся мухи над моими слипшимися волосами, как над аэродромом, ища посадки. Так все выступление я вертел головой, отбиваясь от мух.

Все же это досадное происшествие не помешало мне хорошо сыграть. В антракте меня привели в правительственную ложу. Я очень волновался. Особенно когда увидел товарища Сталина.

Но он заговорил со мной так дружески, что я вскоре пришел в себя. Когда же Иосиф Виссарионович спросил меня, что я собираюсь делать дальше, я растерялся и выпалил:

— Хочу домой.

В волнении я забыл о своей мечте учиться в Москве. Но товарищ Сталин посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Надо остаться на несколько дней в Москве, посмотреть. А там что-нибудь придумаем.

На другой день нас вызвали в Кремль. Я на всю жизнь запомнил этот замечательный день в Кремле, когда услышал приказ о нашем награждении. Мы, маленькие музыканты, вдруг поняли, что наши способности нужны стране и ему — чудесному человеку в Кремле.

Рисунок Киралины Ивановой, 10 лет. Москва.

— А теперь сделаем перерыв, вроде антракта или большой перемены. Во время антракта мы с вами отправимся в далекую экскурсию. Переверните страницу, и вы очутитесь...

Здесь нарисован крейсер „Киров“. Большие пушки „Кирова“ стреляют на десятки километров. „Киров“ — один из лучших и самых быстроходных крейсеров мира.

А какие молодцы на нем командиры и краснофлотцы! Их больше шестисот. Сколько среди них героев, отличившихся в боях за родину!

Сегодня праздник. Сегодня, 28 июля, День Военно-морского флота СССР.

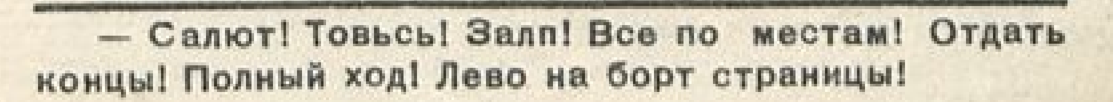
Адмирал со своим штабом на нарядном катере идет мимо кораблей и отдает честь. Гремят над рекой орудийные выстрелы.

— ... в Ленинграде. Свистать всех наверх! В машине приготовиться! Мы с вами на празднике нашего Красного Военно-морского флота.

Рисунок В. Голицына

Это здесь, в Ленинграде, на Балтике. В этот же день в далеком Владивостоке, в Мурманске, в Севастополе, в Баку, в Киеве и Благовещенске так же расцветились флагами наши эскадры и флотилии.

Наши корабли должны стрелять дальше и лучше других, ходить быстрее всех, быть крепче всех, чтобы в любой момент по приказу партии и правительства, по приказу товарища Сталина ударить по врагу, уничтожить вражеский флот у его берегов, в его портах и гаванях. И тогда вы, ребята, услышите о подвигах красавца-крейсера „Кирова“.

— Салют! Товсь! Залп! Все по местам! Отдать концы! Полный ход! Лево на борт страницы!

А. Барто

Рисунки М. Михаэлис

ВЕРЕВОЧКА

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки.

Шумная, веселая,
Весенняя Москва.
Еще не запыленная,
Зеленая листва.

Галдят грачи на дереве,
Гремят грузовики.
Весна, весна на улице,
Весенние деньки!

Тут прохожим не пройти:
Тут веревка на пути.
Хором девочки считают
До пятидесяти пяти.

Это с нашего двора
Чемпионы, мастера
Носят прыгалки в кармане,
Скачут с самого утра

— Вернулись из Ленинграда, продолжаем нашу программу. Только сперва распутайте меня. Ох, уж эти скакалки! Знал бы, так не связывался.

Во дворе и на бульваре,
В переулке и в саду
И на каждом тротуаре,
У прохожих на виду.

И с разбега,
И на месте,
И двумя ногами
Вместе.

Вышла Лидочка вперед,
Лида прыгалку берет.
Скачут девочки вокруг
Весело и ловко,
А у Лидочки из рук
Вырвалась веревка.

— Лида, Лида, ты мала!
Зря ты прыгалку взяла!
Ты же прыгать не умеешь,
Не доскачешь до угла.

— Ну, — сказала бабушка, —
Беда невелика!
Ты еще научишься
Считать до сорока.

Рано утром в коридоре
Вдруг раздался топот ног.
Встал сосед Иван Петрович,
Ничего понять не мог.

Он ужасно возмутился,
И сказал сердито он:
— Почему всю ночь в передней
Кто-то топает, как слон?

Встала бабушка с кровати —
Все равно вставать пора.
Это Лида в коридоре
Прыгать учится с утра.

Лида скачет по квартире
И сама считает вслух,
Но пока ей удается
Досчитать всего до двух.

— Раз! Два!
Остановка!
Может, мне
Длинна веревка?

Лида просит бабушку:
— Немножко поверти!
Я уже допрыгала
Почти до десяти.

— Ну, — сказала бабушка, —
Не хватит ли пока?
Внизу, наверно, сыплется
Известка с потолка.

Уже устала Лидочка,
Но скачет все равно,
А песенка врывается
В открытое окно.

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Галдят грачи на дереве,
Гремят грузовики.

Школьники на улицу
Выбежали с книгами,
Вынули веревочку,
У ворот запрыгали.

Вышла Лидочка вперед,
Лида прыгалку берет.
— Лида! Лида! Вот так Лида! —
Раздаются голоса. —
Посмотрите, наша Лида
Скачет целых полчаса!

— Я и прямо,
Я и боком,
С поворотом
И с прискоком,
И с разбега,
И на месте,
И двумя ногами
Вместе!

Доскакала до угла.
— Я еще бы так могла!

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
С книжками, с тетрадками
Идут ученики.

Полны веселья шумного
Бульвары и сады.
И сколько хочешь радуйся,
Скачи на все лады!

Лев Кассиль ***Рисунки М. Михаэлис***

ЗАСЛУЖЕННЫЙ артист Республики Петр Артемьевич Таранов, человек одинокий, но приветливый, получил письмо от пионеров села Большие Камни. В колхозе готовился детский праздник. Ребята приглашали артиста взглянуть на их искусство. В Больших Камнях хорошо знали Петра Артемьевича: артист года два назад жил там на даче. Он стоял тогда у Будыриных. И сейчас Таранов вспомнил прохладную избу с закрытыми от жары ставнями, свежесть вымытых полов, неподвижный, настоенный на травах и яблоках зной в саду и застенчивую маленькую Клашу. Вот уж любила в куклы играть! Таранов даже помнил до сих пор, как звали Клашиных питомцев. Прежде всего — Тамара. Она была тряпичная, культяпая и произошла из старого чулка и парашютистки от картонного прошлогоднего календаря. Потом Ирина. У этой вместо лица была обернутая в бумазейку деревянная ложка со сломанной ручкой. Был еще Альберт, голышок... Клаша любила их всех ровной и терпеливой материнской любовью. И Таранов дружил с Клашей. Старому актеру нравилось, что девочка так предана своей игре, так строго верит в нее...

Вспомнив все это, Таранов решил непременно съездить в Большие Камни. Он дал телеграмму в село, а сам пошел покупать гостинцы Будыриным. В Мосторге он приглядел для Клаши большую, дорогую куклу. Это была прекрасная девица в платье клёш с десятью оборками. Волосы у нее были самые настоящие, если не считать, что они были из крашеной пакли. Глаза у красавицы были оклеены ресничками-бархотками, чулки снимались. На каждой руке у нее было ровно пять пальцев. Хотите — верьте, хотите — считайте!.. И она умела закатывать глаза. Клаше такие куклы, верно, и во сне не снились.

* * *

В день праздника, нагруженный гостинцами, с длинной коробкой подмышкой, Таранов вышел из пригородного поезда. Гостя на станции встретили трое пионеров из колхоза: девчонка, подпрыгивающая от любопытства, и два мальчика; один — озабоченный, очень важный на вид. Таранова усадили на хорошее место в тарантасе, подправили сенца, ребята вскочили — кто влез на козлы, кто примостился на подножке. «Н-но, пошла, Васёна!» И тарантас загремел по проселку.

Таранов пригляделся к ребятам и скоро узнал двоих, хотя они и очень выросли за эти годы. Но третьего — насупленного, важного на вид мальчика, сидевшего на козлах, — Таранов видел впервые. Ребята ехали молча и из вежливости очень старались не глядеть на гостя, хотя их так и тянуло с него глаз не спускать. Они ждали, когда гость сам заговорит.

— Ну, как Клаша-то поживает? — спросил Таранов. — Вы что ж ее с собой не захватили?

— Это вы про Будырину спрашиваете? Ей нынче неколи, — сказал важный мальчик: — она кукол снаряжает.

— О! — обрадовался Таранов и, весело поглядев на большую коробку, довольный, подмигнул сам себе. — Всё с куклами возится?

— Раз уж ей поручено, так должна! — строго сказал мальчик. — Я ее к нашему куклешному театру приставил. Я нашего кружка староста являюсь, — как бы невзначай добавил он. — А то с ней — у-у!.. — много биться пришлось. Возьмите сами, вот: девка — мое почтение, уже в третий класс переходит, десять годов стукнуло, а она, здрасте-пожалте, всё в куклы играет, ходит нянчится. Смех!

Двое других спутников Таранова послушно захихикали.

— Уж ее дразнили, дразнили все!.. — продолжал строгий мальчик. — Куклятницей постановили прозвать. Еле отучили. В стенгазете протянули даже.

— Да за что же? — изумился Таранов. — Разве нельзя играть в куклы? Пусть бы...

— Хорошее дело! А какая же от этого польза? Глупости только. Домашняя забавка. Вот теперь, как мы ей влияние оказали, другое дело! Она теперь в нашем кружке для куклешных спектаклей шьет там всякие костюмы, разные фигуры набивает... Ничего, научилась. Вот увидите сегодня по ходу действия...

— По ходу действия... — вздохнув, повторил Таранов. — А сама уж в куклы больше не играет?

— Ей уж теперь самой интересу нет дома-то...

Таранов грустно посмотрел на большую коробку и незаметно сунул ее под сено.

* * *

Спектакль прошел отлично. Куклы были пошиты наславу и действовали как надо. Красноносый Петрушка-пищик, в кривом колпаке своем, с узким вогнутым лицом, похож был сбоку на молодой месяц, как его рисуют в сказке. Он всходил над

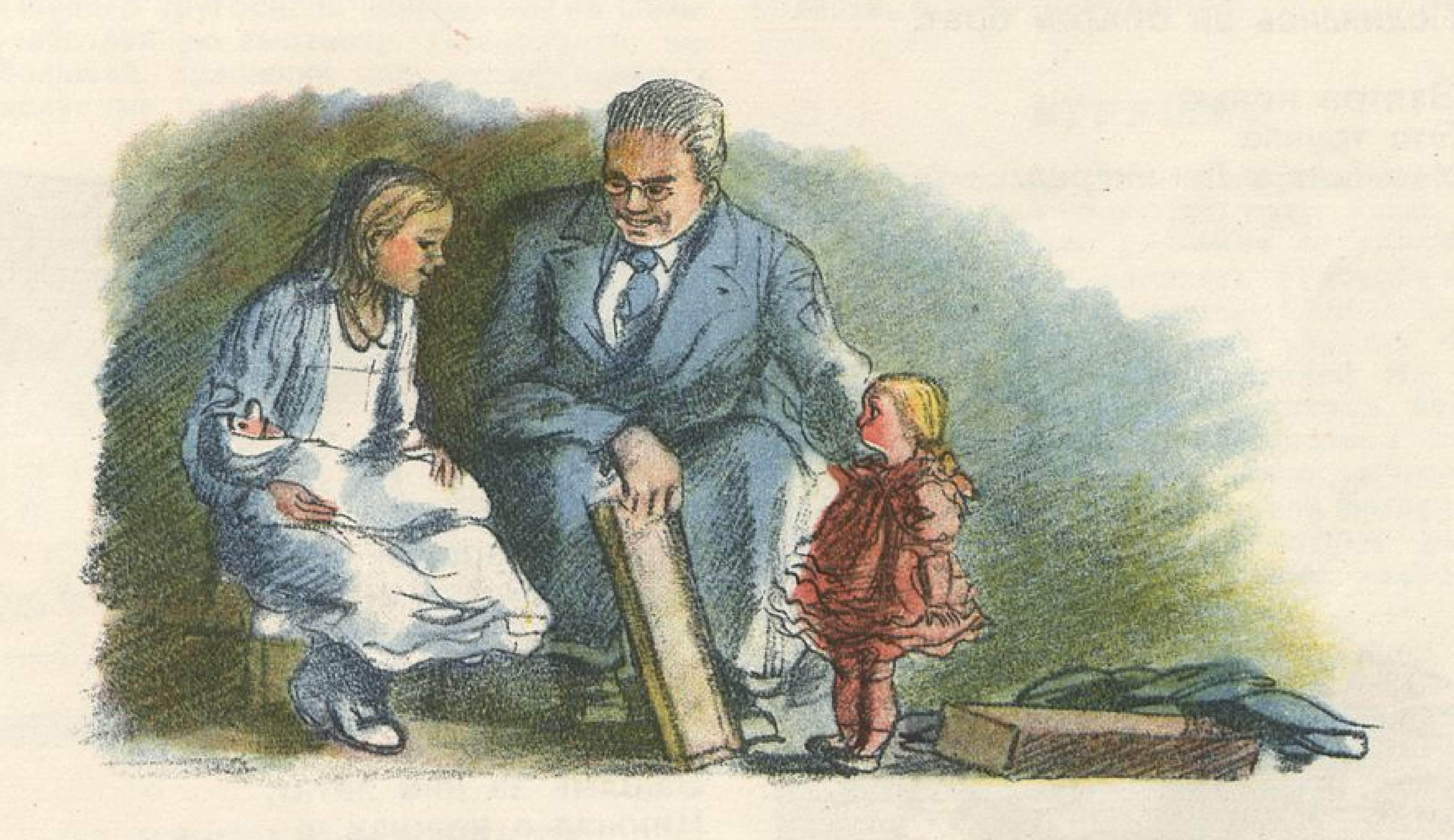
— Хорошо мне выступать с Петрушкой. И ширмы не надо! Уберите ее прочь! Меня и так не видно...

ширмой и верещал утиным голосом. Злой и лупоглазый Разбойник-Людоед гонялся с ножом за Петрушкой, грубо рыча и потрясая страшными усами. Румяный Милиционер, у которого был голос важного мальчика, сажал Разбойника под арест. Словом, было очень весело, и зрители, взрослые и ребята, били в ладони что есть силы и все оглядывались на Таранова — нравится ли ему. Потом важный мальчик вывел из-за ширмы упирающуюся Клашу Будырину и стал хлопать у нее под самым носом. Все закричали:

— Браво, бис! Ай да Клаша, мастерица! Ай, куклятница! Вот обшила как всех!

Клаша гордо и смущенно отворачивалась. Она сильно вытянулась за два года, повзрослела. Только глаза у нее не изменились — большие и застенчивые. Таранов, глядя на нее, громко аплодировал, а сам ругал себя ругательски: «Отыскал подарок! Нашел чем удивить!.. Домашнюю куклу привез, как маленькой».

После спектакля Клаша убежала за сцену

хлопотать, складывать, убирать, а Таранов, посидев на лавочке у правления и потолковав с колхозниками о войне во Франции, зашел в избу к Будыриным, где он оставил свои вещи. Он хотел убрать подальше коробку с куклой, чтоб она, чего доброго, не попалась как-нибудь на глаза важному мальчику.

Ставни были закрыты, и в полутемной горнице как-будто никого не было. Но вдруг Таранов прислушался... Кто-то тоненьким голоском тихо и нежно напевал в углу за печкой: «Баю-баю-баиньки, спи, сыночек маленький... А-а-а, а-а-а...» Таранов подкрался туда на цыпочках и заглянул за печку и чуть было не ахнул, но успел обеими руками зажать рот и только щеки надул...

Клаша сидела на низенькой скамье, на руках у нее был ужасный, злой и усатый Разбойник-Людоед. Он был заботливо укутан и спеленат, только жесткие черные усы вылезли из-под платочка и топорщились. Клаша бережно качала Разбойника-Людоеда и запихивала под косынку его буйные усы. Вдруг она обернулась, заметила Таранова да так и залилась вся краской, готовая вскочить и бежать...

— Ну, ну, чего ты заегозила! — весело закричал Таранов. — Что мы с тобой в куклы никогда не играли, что ли? Я и сегодня непрочь. Ну-ка, подвинься!

И он сел рядом с Клашей на скамеечку.

— Дядя, а вы не скажете ребятам? — робко спросила она.

— Зачем я стану говорить! Это уж наш с тобой секрет... Только, что же ты такого сына-страшилу выбрала? Он же злой разбойник, людоед!

— И ничуть вовсе он не злой! — доверчиво и торопливо заговорила Клаша. — Он только играет таких злых. А он совсем добрый в жизни, его Федя зовут. У него зубы режутся, заснуть не может... У меня все дети артисты. И Сережа, который Петрушку играет, и Юрочка. Он милиционера представлял. Они у меня все артисты!

— Слушай, Клаша, — сказал вдруг Таранов, — а не женить ли нам твоего Федю-разбойника? Давай в свадьбу сыграем! У меня для него и невеста сыскалась, красавица! А звать как, если бы ты знала!.. А-де-ла-ида!

И с этими словами он вскочил, схватил коробку, раскрыл ее, и прекрасная Аделаида в платье клёш с десятью оборками тотчас закатила глаза перед Клашей.

Тут же скоро и свадьбу сыграли, усадив за стол рядышком молодых: красавицу Аделаиду и усатого Федю — разбойника и людоеда. И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот ничего не попало, потому что угощение было тоже кукольное.

Воздушные гимнасты

Сергей Михалков

Рисунки И. Кеша

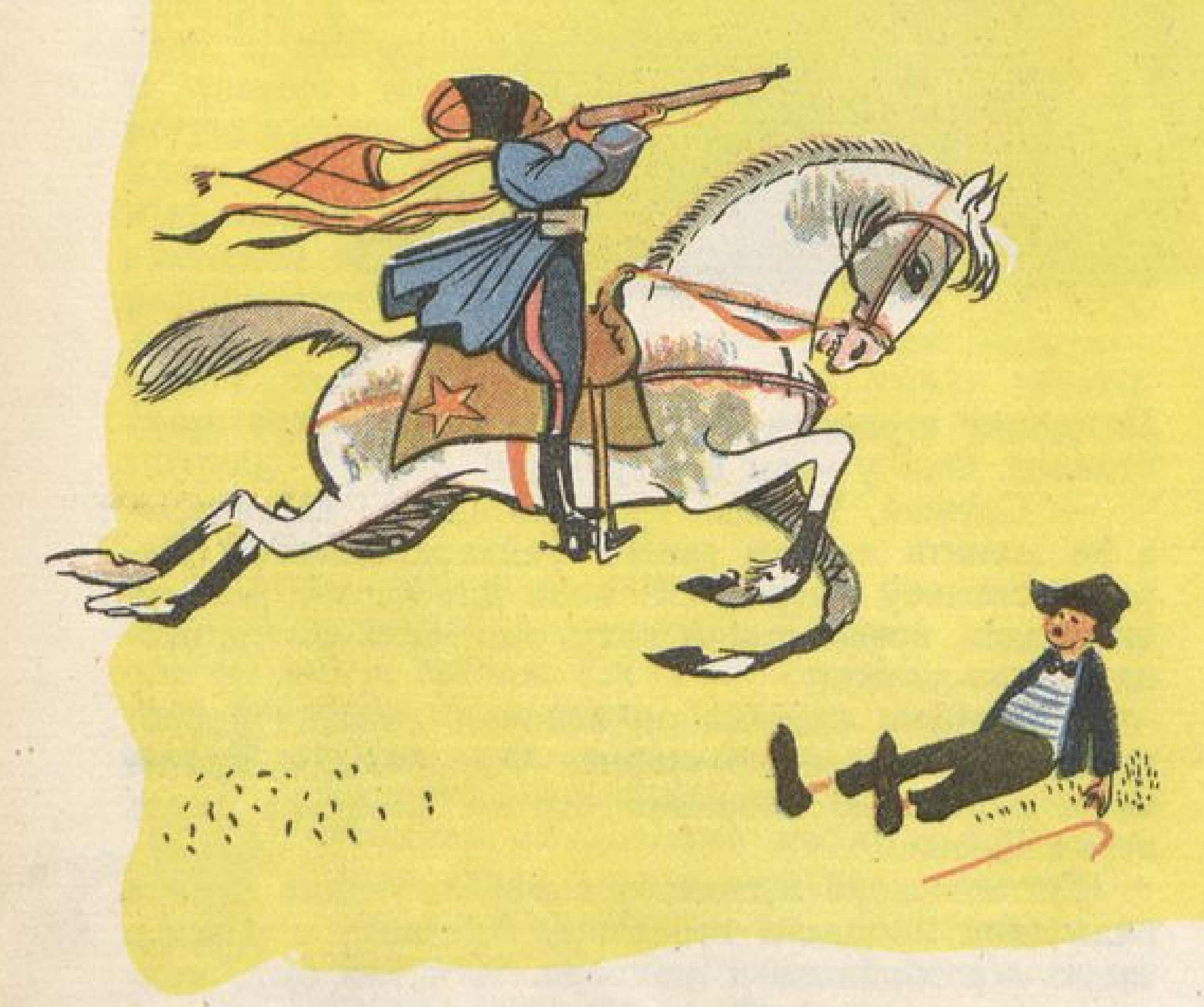
На гимнастов посмотри:
Это „ТРИ — ПЕТРОВЫ — ТРИ“!
Выступает очень редко
Эта группа мастеров.
Раз! — летит Петров над сеткой.
Два! — поймал его Петров.
Три! — и прыгнуть вниз готова,
Так прекрасна и храбра,
Зоя Павловна Петрова —
Их любимая сестра.

И опять под самый купол
Поднялись за братом брат.

Завтра ночью
Эта труппа
Уезжает в Ленинград.

Джигит

Кто этот ловкий человек?
Он улыбнулся мне!
Джигит, наездник Али-бек
На сером скакуне.

Он скачет, стоя в стременах,
Башлык за ним летит,
Кинжал в ножнах,
Ружье в руках —
На то он и джигит!

Три круга конь берет разбег,
И вдруг стреляет Али-бек
И поднимает на дыбы
Текинского коня.

Но не пугает
Гром пальбы
Ни папу,
Ни меня.

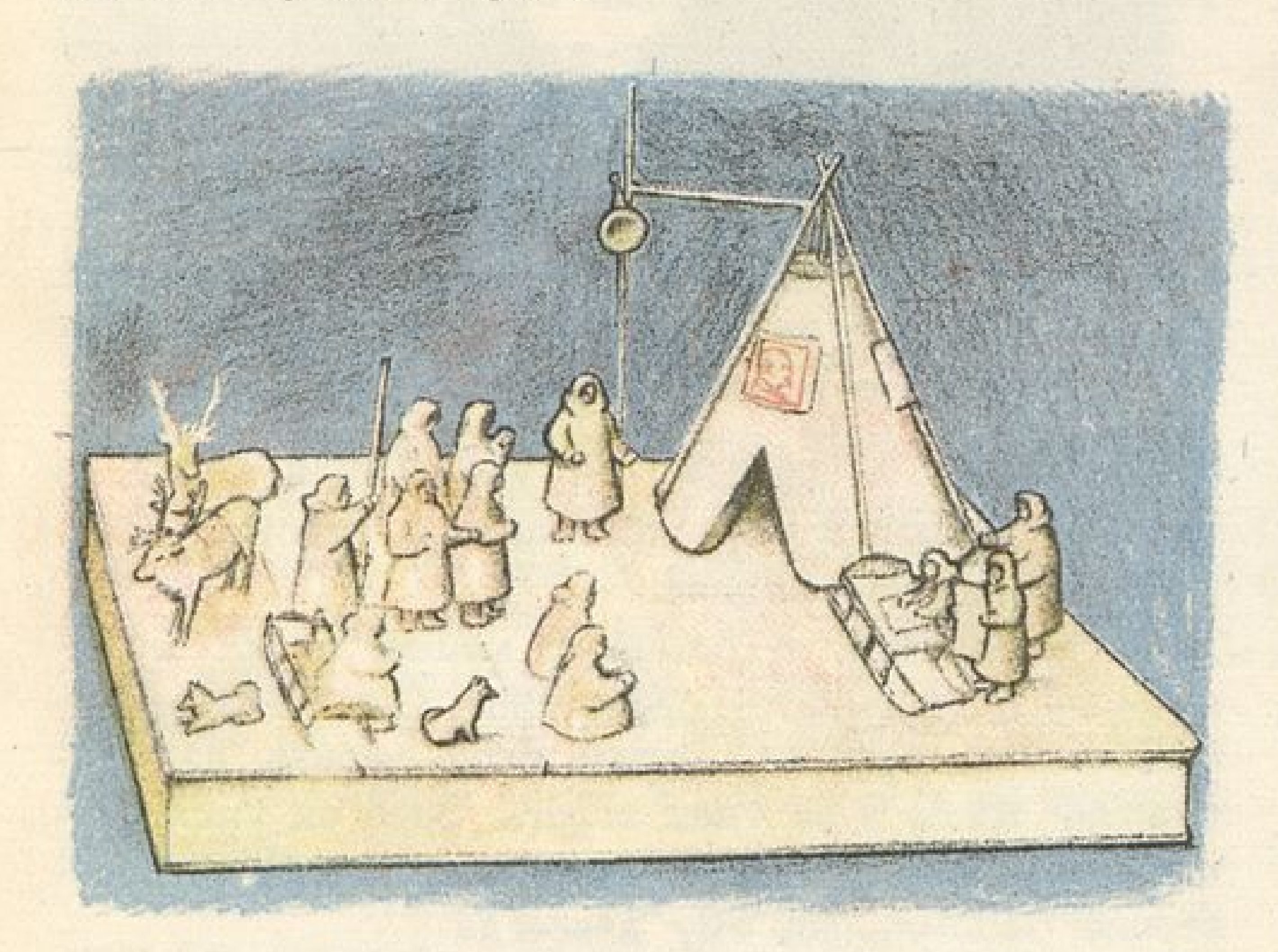
— Начинаем выступление нашего цирка! Раз, два, три—гоп, алле! Я уже не Мурзилка, а Чарли Чаплин. Очень похож, только вы не видите.

Кругоскоп, через который видно все, что далеко и близко, вокруг и около, спереди и сзади, под ногами и над головой, слева и справа, внутри и снаружи.

ИСКУСНЫЕ РУКИ

Есть такой интересный выдумщик. Он придумал красивые изделия из шерсти: выткал ковры, на которых узоры и картины играют веселыми, радужными красками; из костей и клыков мамонта, из камней он вырезал фигурки людей, животных и птиц; из глины вылепил расписные свистульки и стройные вазы; даже из простой бересты он сделал тонкие березовые кружева.

Этот знаменитый художник показывает свои несметные богатства в Москве, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Имя его — Советский народ. Сегодня подзорные трубы нашего кругоскопа направлены на Сельскохозяйственную выставку. Посмотрите, какой большой художник наш народ, какие у него искусные руки!

ИЗ КОСТЕЙ МАМОНТА

Около белого чума собрались жители Советского Севера, остяки. Они приехали к этому уютному шалашу, сделанному из оленьих шкур. Это их клуб. Сорок-шестьдесят километров, а то и больше проехали они на оленях по снежной тундре. Олени выпряжены из саней-нарт. Путники беседуют, слушают новости по радио. Лохматая собака удобно устроилась у ног своего хозяина. Он медленно раскуривает трубку. Олень, вытянув шею, словно прислушивается к незнакомым звукам радио. У самого чума молодой остяк читает вслух газету. Его слушает и старик, одетый в теплую оленью одежду, и молодая мать с ребенком на руках.

И чум, и люди, и олени — все это уместилось на белой костяной доске размером в маленькую шахматную доску.

Чудесный тобольский мастер Т. С. Песков вырезал эти белые фигурки из кости мамонта. Под его острым резцом простая кость мамонта и моржа как бы оживает, превращаясь в фигурки людей и животных. Вот какие замечательные художники-костерезы живут в сибирском городе Тобольске и в Архангельской области, в селе Ломоносове.

ИГРУШКИ

В Свердловске есть мраморный завод. Он начал работать еще в 1865 году. Тогда у нас в стране мало было резчиков по камню. Хозяин завода решил выписать мастеров-камнерезов из швейцарского города Базеля. Вскоре случилось так, что уральские ученики опередили своих заграничных учителей. Из камня они научились вырезать красивые вещицы. Вот пеликан и парашютист сделаны из белого камня. Чапаева на тачанке вырезали из дерева молодые колхозники села Богородского Московской области. А на рисунке — расписные игрушки из глины, сделанные мастерицей Кошкиной из города Кирова.

МУЗЫКАНТ И МУЗЫКА

Н. Саконская
Рисунки Б. Винокурова

Петр Ильич Чайковский родился 25 апреля 1840 года, умер 25 октября 1893 года.

ПОСМОТРИТЕ в ноты. Как ласточки на телеграфных проводах, разместились на нотных линейках черные молчаливые значки. Человек садится за рояль или берет в руки скрипку — и значки разом оживают, превращаются в звуки. Это музыка. Это целый рассказ.

Представьте себе ясный зимний день. По дороге мчится тройка вороных коней. Рассыпчато переливается колокольчик. Вот ямщик щелкнул кнутом, кони понеслись быстрее. Снежная пыль взвилась из-под копыт. А вот другая картина: золотые, еще не убранные поля. Лето. Высоко в безоблачном небе распевает жаворонок.

Обо всех этих чудесных вещах рассказал в своей музыке великий русский композитор Петр Ильич Чайковский. Он сочинил замечательные оперы: «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», рассказ в звуках — трогательную историю Щелкунчика — и сказку о спящей царевне. Он умел писать и сложные симфонии, те, что исполняют в очень большом оркестре, и коротенькие пьески, которые могут сыграть на рояле две маленькие детские руки.

Но вот что самое замечательное: о чем бы ни рассказывал в своей музыке Чайковский — о тройке ли, о жаворонке или о пастухе, что гонит на заре стадо, — все это наше, родное, русское, народное.

С самого раннего детства Петр Ильич горячо любил свою родину, свой народ.

Однажды попался ему в руки географический атлас. На одной из страниц маленький Чайковский увидел карту России. Он долго рассматривал ее и вдруг принялся целовать, приговаривая: «Моя дорогая отчизна! Милая моя родина!»

Был он в то время худеньким, неловким мальчуганом с ласковыми, немного печальными глазами.

В семье его крепко любили и берегли. Он и сам был необыкновенно добр и ласков со всеми, и самая маленькая обида делала его несчастным. За это отец прозвал его «стеклянным ребенком».

А он уже и тогда много, хотя и по-ребячьи, думал о человеческой жизни, о природе, о людях. Думы свои он записывал в тетради. О чем же он писал тогда? О разном: об умирающей птице, о муравье, которого надо пожалеть, и, наконец, о самом дорогом — о родине.

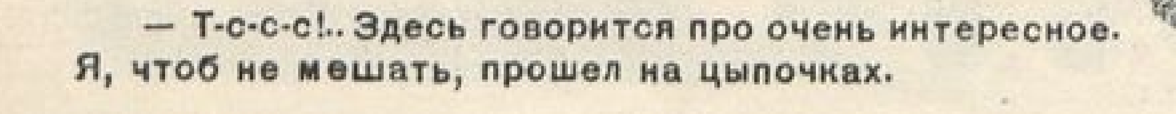
У Чайковских в одной из комнат стоял музыкальный инструмент — оркестрина. Она была заводная, и самому на ней играть было нельзя, да Чайковский тогда и не умел играть. Зато он умел слушать, и музыка, которую он услыхал тогда на оркестрине, запомнилась ему навсегда.

Это был отрывок из оперы «Дон-Жуан», которую написал величайший немецкий композитор Моцарт.

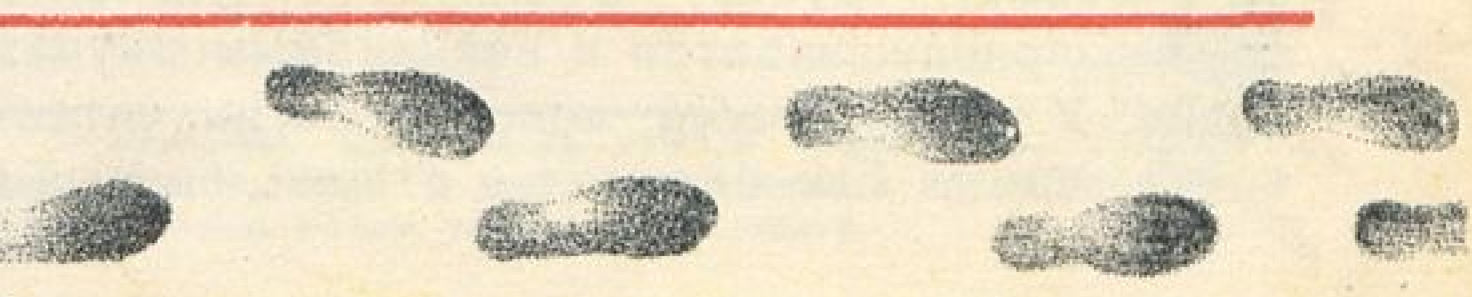
Слушая эту музыку, Чайковский плакал от восторга. Он сам потом говорил, что Моцарт заставил его полюбить музыку на всю жизнь.

Так началась дружба с музыкой, радостная и беспокойная. Звуки преследовали мальчика повсюду, отрывали от игры, будили по ночам. Заливаясь слезами, он восклицал: «Ах, эта музыка! Она у меня здесь, в голове, избавьте меня от нее!»

А сам то и дело подходил к роялю и, когда

— Т-с-с-с!.. Здесь говорится про очень интересное. Я, чтоб не мешать, прошел на цыпочках.

ему запрещали играть, начинал колотить пальцами по чем попало. Один раз он принялся так стучать по оконному стеклу, что разбил его и поранил руку. Тогда родители стали больше обращать внимания на музыкальные способности сына. Понемножку его стали учить игре на рояле. С каждым годом все крепче становилась дружба с музыкой. Чайковский сам пробует сочинять, но играть свои сочинения при других не любит.

Когда Петру Ильичу исполнилось двадцать два года, он поступил в только что открывшуюся в Петербурге консерваторию. Он решил во что бы то ни стало сделаться музыкантом. Он отдавал музыке все свое время, все силы. Свою работу он распределил строго по часам, чтобы не потерять ни минуты.

«Сколько у меня планов! Сколько мне нужно еще сделать!» говорил он всегда. Даже во время прогулок Петр Ильич не переставал работать. Гуляя по окрестностям Клина, где он жил в последние годы, Чайковский вынимал маленькую книжечку и тут же записывал свои планы и мысли.

С особенной любовью и упорством работал Чайковский над оперой «Евгений Онегин».

Да и могло ли быть иначе? Ведь он так любил Пушкина! Чудесные стихи великого поэта, горе и радости пушкинских героев были так понятны ему и близки...

Когда опера была окончена, Чайковский решил не отдавать ее в тогдашний государственный театр. Ему казалось, что там не найдется артистов, которые смогут сыграть так, как ему бы хотелось. И потому первое представление «Евгения Онегина» состоялось не в театре, а в Московской консерватории, на небольшой сцене, и роли играли не артисты, а ученики.

Около шестидесяти лет прошло с тех пор. Тысячи раз ставилась эта замечательная опера во всех театрах мира, и нет, кажется, человека, который не любил бы ее самой верной любовью.

Отчего это? Да оттого, что музыка в ней уж очень понятная, простая, говорящая. Даже когда ее слушаешь по радио, кажется, будто видишь все, что происходит на сцене.

И не только «Евгений Онегин». Каждое произведение Чайковского — это яркий, полный правдивости рассказ о человеческой жизни.

Чайковский очень любил народные песни, русские, украинские. Часто он записывал их — может пригодится. Так и случалось. Все вы, конечно, знаете песню «Во поле березынька стояла». Чайковский отвел ей почетное место в своей знаменитой Четвертой симфонии. Скромная, простая песенка зазвучала в огромном оркестре на многих инструментах. Из глухого деревенского уголка переселилась она в шумные концертные залы, долетела до миллионов людей.

Петр Ильич написал немало пьес для детей. Вы, наверно, не раз их слыхали, а может быть, играли и сами. Это очень коротенькие, иногда грустные, иногда веселые пьески с простыми названиями: «Болезнь куклы», «Марш оловянных солдатиков», «Сладкая греза».

Больше всего на свете Чайковский заботился о том, чтобы музыку его понимали все. Для этого он старался писать возможно проще и искренней и изображать только то, что бывает в жизни. В этом — самая большая сила музыки Чайковского. Вот почему доходит она до каждого человеческого сердца, вот за что эту музыку так любил Ленин.

И еще одна забота была у Петра Ильича — это чтобы его музыку слушало больше людей и находило бы в ней утешение.

Желание его сбылось. Его слушают миллионы людей. Его знает вся наша страна. Знает, любит и гордится им.

РАЗМЫШЛЕНИЯ веселого РЫБОЛОВА

Р. Фраерман

Рисунки И. Кеша

Однажды я пошел с мальчиком ловить рыбу. Мальчик ничего не поймал и заплакал. Я думал, что больше он уж никогда не пойдет на речку. Но назавтра он все же пошел снова и снова ничего не поймал. Однако на этот раз он не плакал.

Так ходил он со мной целое лето, и хотя попрежнему ничего не ловил, но огорчался все реже и реже и подконец был даже очень веселый мальчик. Я долго не мог понять причины его веселья, пока однажды не нашел под его подушкой тетрадь, исписанную им от начала до конца.

Оказалось, что мальчик был хитрее меня. Пока я все лето таскал окуней и красноперок и потихоньку смеялся над мальчиком, давая ему различные советы, он за это время научился размышлять. А это, как известно, куда труднее, чем вытащить самую крупную рыбу на берег.

Вот что я прочел в его тетрадке:

„Никогда не огорчайся на рыбной ловле, хотя бы ты и за все лето ничего не поймал. Даже и в таком случае ты можешь давать рыболовам советы. Я заметил, что советы никому не вредят".

„Если ты ищешь хорошее местечко для ловли, то постарайся все же найти себе такое, где было бы хоть немножко воды. Я заметил, что на сухом месте рыба никогда не клюет".

„Каждый человек, который даже никогда не ловил и никогда не будет ловить рыбу, все же хочет ее поймать, ибо полагает, что она только для того и существует. Но я заметил, что рыба вовсе не думает так. Она любит людей, которые и не мечтают даже ее поймать. Тогда она может клюнуть. Так у меня было однажды".

„Не забывай червей, которых ты вчера поставил в погреб в холодок, потому что, вернувшись на заре с полдороги назад, ты найдешь свои ворота запертыми. И никто, даже родная мать, тебе их не откроет. А спать на скамейке у своего собственного дома очень неприятно. Все коровы, проходящие мимо, смотрят на тебя с удивлением, и при этом неизвестно, какая из них бодается."

— Я тоже знаменитый рыболов! Наловил рыбы видимо-невидимо, только невидимо оказалось больше, чем видимо... Постойте, погодите! Куда вы меня тащите? У меня насморк! Мне нельзя мочить коги. Ой, кажется, я попался на удочку...

„Отправляясь на рыбную ловлю, не надевай теплой обуви, потому что рано или поздно тебе придется носить ее на своей шее. Никто другой не соглашается целый день таскать ее за тебя на ногах. А я заметил, что после утра всегда наступает полдень, и роса куда-то исчезает сама собой“.

„Отправляясь на рыбную ловлю, надень на голову теплую шапку, лучше всего папину. На ней очень удобно сидеть“.

„Никогда не клади червей в карман рядом с хлебом. Однажды я съел червяка. Правда, со мной ничего не случилось, а все-таки я предупреждаю об этом всех“.

„Не покупай дорогой удочки. Я заметил, что как на дорогую, так и на дешевую рыба клюет одинаково плохо. Цвет удочки тоже не имеет для нее значения. Но зато лучше всего она берет на удочку, которая принадлежит соседу. А почему так, я не знаю сам“.

„Собираясь на рыбную ловлю, обязательно положи в рюкзак щетку для платья. Щеткой очень удобно бить в траве кузнечиков для наживки, и именно для этого человек в первый раз выдумал ее“.

„Никогда не надейся на то, что крючок не зацепится за рубашку. Он обязательно зацепится. Это его свойство“.

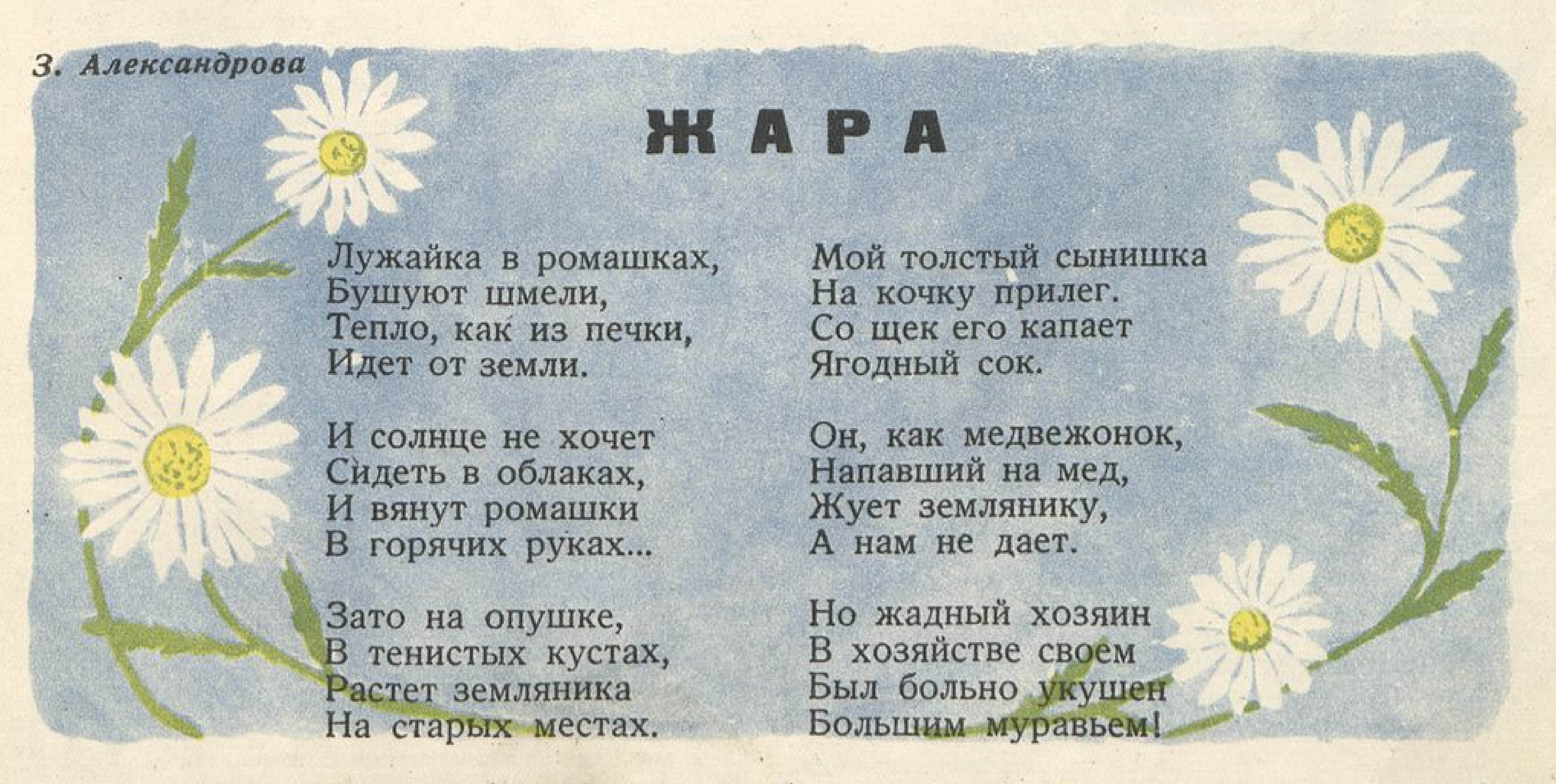
„Сидя рядом с приятелем, не забрасывай свою удочку на его место. Он тебя может побить. В таком случае терпи, ибо он прав.

Но есть приятели, которые хвалят только свой улов и всегда издеваются над твоим. Вот если такой приятель подарит тебе свой кукан с рыбой из одного лишь желания посмеяться над тобой, то ты можешь ему отомстить. Я научу тебя, как это сделать. Приди домой немного позже его, пересади рыбу на кукан иначе — нижнюю вверх, а верхнюю вниз — и подари ему кукан обратно, сказав при этом, что ты сам все это только что поймал. Он громко посмеется над своим собственным уловом. Таким образом тебе самому уже не нужно будет смеяться над его подарком, что было бы очень невежливо для такого мальчика, как я“.

З. Александрова

ЖАРА

Лужайка в ромашках,
Бушуют шмели,
Тепло, как из печки,
Идет от земли.

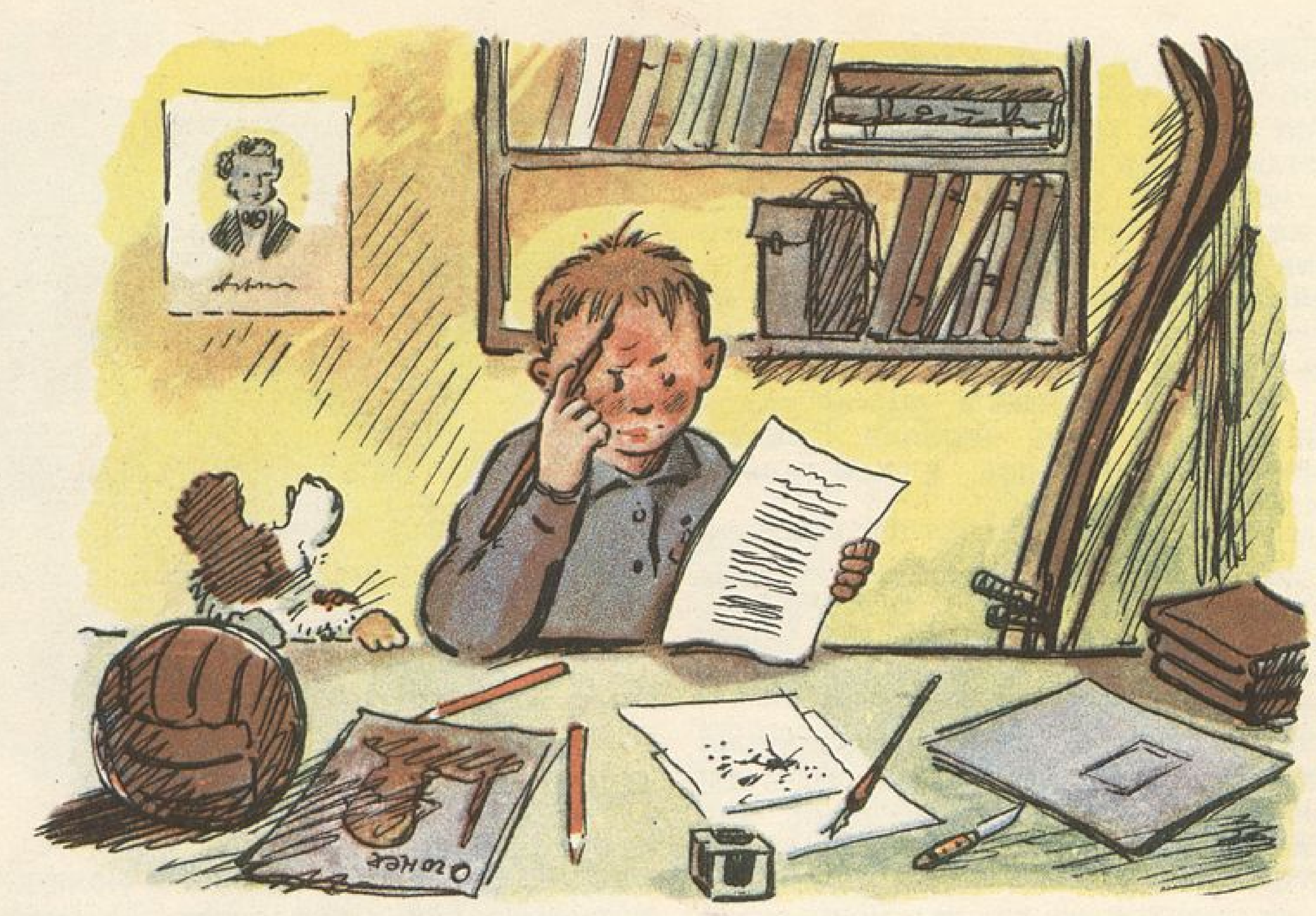
И солнце не хочет
Сидеть в облаках,
И вянут ромашки
В горячих руках...

Зато на опушке,
В тенистых кустах,
Растет земляника
На старых местах.

Мой толстый сынишка
На кочку прилег.
Со щек его капает
Ягодный сок.

Он, как медвежонок,
Напавший на мед,
Жует землянику,
А нам не дает.

Но жадный хозяин
В хозяйстве своем
Был больно укушен
Большим муравьем!

Н. Найденова

Рисунок
В. Константинова

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ПОЭТ

Решил Сережа стать поэтом —
Давно мечтает он об этом.
Достал тетрадь, карандаши,
Чего ж еще? Садись пиши!

Он морщит лоб, он занят делом,
Сидит за письменным столом,
Он чистый лист бумаги белой
Пометил завтрашним числом.

Стихи придумать — пустяки!
Уже готовы две строки.
Но вот беда: для этих строк
Он рифмы выдумать не мог.

Вдруг спохватился он: «Постой!
Я способ выдумал простой!»

Журналы с полки он берет.
Вот «Огонек» за прошлый год.
Решил поэт, что не порок
Списать каких-то десять строк.

Небрежный росчерк сделал он —
«Поэт Сережа Робинзон».

Лежат стихи в большом конверте,
В Москву отправил их поэт.
Их напечатают, поверьте!
Сомнений у Сережи нет.

Уверен он, что этот труд
Отдельной книжкой издадут.

Ему ответственный редактор
Письмо немедленно пришлет,
И спросит у него редактор:
«Какой хотите переплет?»

Вот наконец ответ получен,
Но стал поэт мрачнее тучи.

Краснея, он прочел в ответе:
«Послушай, милый паренек,
Давно стихи мы знаем эти —
Мы все читали «Огонек».
Нам жаль, по правде говоря,
Что ты бумагу тратишь зря!»

Совсем невесело парнишке,
Письмо в клочки с досады рвет.
Пришлось Сереже, а не книжке
Попасть в хороший переплет!

Буря мглою небо кроет

— Ну, я не из тех, кто списывает чужие стишки! Я сам поэт! Вот мое стихотворение собственного сочинения. По-моему, я его нигде не списал...

Займись чем-нибудь

ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ!

Летом в лагере я от ребят узнал интересную игру — „пятнашки парами“. Вот как мы в эту игру играли. Соберемся где-нибудь на полянке человек десять, а то и больше, и пятнашку выберем. Станет пятнашка на середине полянки, а мы все отбежим от него немного и ждем сигнала. Как только один из ребят, хлопнув в ладоши, громко крикнет: „Раз, два, три!“, мы все от пятнашки бегом врассыпную — пусть-ка попробует кого-нибудь догнать!

До кого пятнашка дотронется, тот попал „в плен“. „Пленник“ берет пятнашку за руку, так они и бегают парой, стараясь опять кого-нибудь изловить.

Тот, кого поймают, стоит на месте до тех пор, пока еще один не попадет „в плен“. Два „пленника“ берутся за руки, становятся тоже пятнашками и помогают первой паре ловить ребят. Пятнашек становится всё больше. Когда пятнашки переловят всех ребят, тогда игра кончается.

И. Чкаников

Рисунки Ф. Глебова

ШАРАДА

Две ноты, две буквы,
Всё вместе — игра,
В которую любит
Играть детвора.

ПЕРЫШКИ

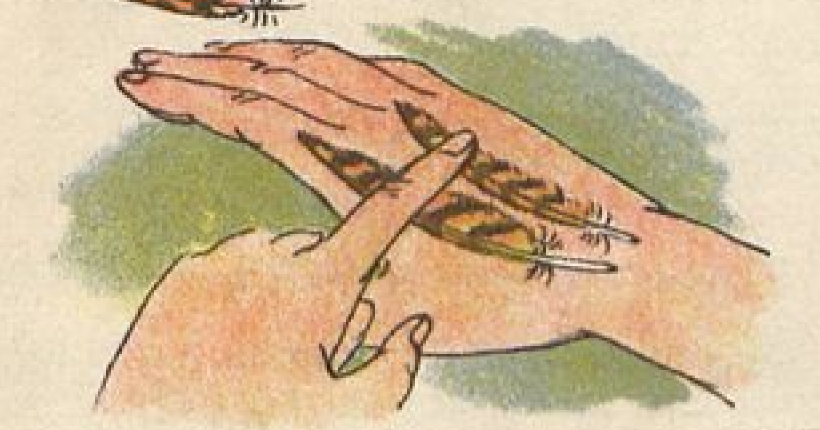
— Вот у меня на руке три легоньких перышка. Укажи, какое сдуть. Я дуну, два останутся, а это улетит.

— Ну да! У тебя все три улетят.

— Нет, не улетят!

— Как же ты дунешь так ловко?

— А вот как!

ЗАГАДКИ

Не связана — как дорожка,
а связана — так одежка.

Снаружи птица,
внутри человек.

Маленькая малышка,
золотая кубышка.

На пруду живет Тарас,
кричать горазд.

ГОЛОВОЛОМКА

Разделите рисунок тремя прямыми линиями так, чтобы лев не мог догнать охотника, удав не проглотил птичку, тюлень — рыбку, собачка не загрызла зайца, а кошка не поймала мышь.

— Уф, устал!.. Жарко. Да еще сандалия ногу натерла. Разуваюсь, раздеваюсь и исчезаю на глазах у читателей.

ЧУДЕСА

Цена 2 рубля.

С. Погореловский

Рисунок Е. Афанасьевой

В зале смех и голоса,
А на сцене — чудеса!

Вот с боков на середину
Выбегают два лезгина.

Два лезгина,
Два лезгина
Приседают на скаку,
Два лезгина,
Как пружина,
Подлетают к потолку.

Гей!
Кинжалами сверкнули!
Гей!
Подметками мелькнули!
Гей!
Пошли, пошли кругами...
Гей!
Вприсяд, вприсяд опять...
Мы стучим, стучим ногами —
Помогаем танцовать.

Мы узнали двух танцоров,
Двух танцоров-плясунов:
Это —
Юра Никаноров!
Это —
Шура Горбунов!

Мы чтецов узнали тоже,
И жонглеров,
И певцов.
Мы отбили все ладоши,
Провожая молодцов!

Очень просим
В школу нашу
Заглянуть на полчаса —
Мы и сами вам покажем
Не такие чудеса!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ,
помещенные в №№ 2, 3 и 4.

РЕБУС: Колобок. ЗАДАЧА БУКВ: Зяблик. Колибри. Синица. Снегирь. СЕМЬ КРУЖКОВ: Первой линией отделяются три кружка слева, второй — три кружка в правом верхнем углу, третьей — три нижних кружка. ЗАГАДКИ: Качели. Солнечный зайчик. Ведро в колодце. Ручка и пальцы.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 0-58-77 и К 4-97-22.

Сдано в набор 8/VII 1940 г. Подписано к печати 26/VIII 1940 г. Объем $3\frac{1}{2}$ печ. л. Ст.-формат $93 \times 120^{1}/_{16}$ листа.
А31322. Детиздат № 2728. Заказ № 1175. Тираж 250 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.